

СОЛИДАРНОСТЬ И СОЦИАЛЬНОСТЬ В ДИАЛОГИЗМЕ

Главные проблемы общественной жизни объяснялись в традиционных культурах судьбой, греховностью человеческой природы и божественным воздаянием. В утопической мысли от Платона до эпохи Просвещения считалось, что многие проблемы решаемы преобразованием социальных структур. Реакцией на негативные последствия таких трансформаций эпохи революций стало то, что в современных культурах причину социальных трудностей начали усматривать в том образе мысли, который доминирует в обществе и, в особенности, в его элитах.

Экзистенциальная философия противопоставляет подлинность человеческого существования неподлинности социума. Однако экзистенция нуждается и в коммуникации, и в трансценденции, – она не может полностью индивидуализироваться. Теистические экзистенциалисты считают настоящим единением с Другим религию, связь с Богом как абсолютным «Ты». В свете этой связи обретает черты подлинности не только общение с людьми, но и со всеми существами мира. Атеистические экзистенциалисты видят в этой диалогической интенциональности трагичность человеческого существования. Стремление человека к единству с Другим обречено на разочарование, даже если отношение с Другим и приоткрывает завесу истины. Так, для М. Хайдеггера обращение к Другому по ту сторону безликой социальности помогает найти ту традицию, следуя которой открытие своего собственного существования способно устояться. Но бытие-с-Другим всегда чревато опасностью забвения себя, а переживание своей конечности постоянно рушит солидарность с Другим. Ж.-П. Сартр еще более подчеркивает трагичность бытия с Другим, оно – конфликт или иллюзия «Мы», но избежать этой трагедии невозможно. А. Камю утверждает гуманизм, но это – абсурдный гуманизм, поскольку абсурд – наша связь не только с миром, но и с Другим.

Диалогическая экзистенциальная философия противопоставляет два образа мысли, задающие подлинное и неподлинное отношения к Другому, и основанные на них конкретные события взаимодействия, которые можно назвать «общество». Тем самым можно говорить и о двух типах общества – диалогическом и монологическом. В монологическом социуме единство задается властью одного, абсолютизированного субъекта, заставляющего всех прочих людей терять в служении подлинность своего существования. Этот абсолютизированный субъект вполне может быть идеализацией, задающей механизмы обобщения всех как абстрактного общества. Вместо осознания своей уникальной индивидуальности, обретаемой в общении с Другим, человек такого социума видит в себе объективированного человека, мысля себя объектом, что выражается в речи самоописанием местоимениями третьего лица. Даже попытка человека искаженного общества обобщить себя с другими в единое «Мы» – иллюзия, скрывающая объединение всех в «Они» перед тем, что учреждено как абсолютный субъект.

Диалогическое общество чуждо массовости. Недаром в религиозных традициях Писания утверждается ценность направленности не на любого человека, но именно на ближнего. В неподлинном обществе нет близости – все одинаковы в их безликости. Диалогическое общество – первичная группа, в которой общение межличностно. Вторичные группы, сообщества опосредованных контактов – пространство вырождения диалога в передачу информации для создания внешнего эффекта единства. Отчуждение современного человека – не результат доминирования того или иного способа производства, а необходимая черта массового общества. И, соответственно, противостоять ему могут лишь общества межличностной солидарности, первичные группы.

Опосредование связано с квази-субъектностью, неприемлемой в диалогическом обществе. Замещать других в важнейших событиях их жизни или дать им замещать меня в аналогичных моих – двухполосная королевская дорога в неподлинность существования. Исток квази-субъектности – претензия одного человека представлять интересы кого-то другого или чего-то другого. В действительности такой «представитель» не представляет даже собственные интересы, поскольку в ходе этого представления он теряет понимание самого себя. Вкладывая в представление себя, представитель не осознает, что именно он вкладывает, поскольку для осознания этого ему бы потребовалось подлинное отношение с Другим. Именно поэтому представитель столь часто обнаруживает себя во власти самых низменных инстинктов и интересов именно тогда, когда он уверен в альтруистичности своих действий. Бытие-за-других неподлинно всегда. Этот театр, претендующий быть реальностью, озабочен сокрытием настоящего отношения к Другому, поскольку оно тут – безразличие. Подлинное сосуществование – бытие-с-Другим, и в нем вполне уместна забота о Другом, чтобы помочь Другому сбыться в его собственном существовании.

Квази-субъектность – символизация реальными людьми своего воображаемого как реального. Это воображаемое сосредоточено на образе, замещающем реального человека, иного существа или сообщества, признаваемого не способным (качественно) проявлять себя. Замещаемый предмет может быть конкретен (отдельный человек, животное, растение, экосистема и пр.) или абстрактен (истина, добро, красота, свобода и пр.), он даже может не существовать, что совершенно не важно для символического его замещения. Нет ничего плохого в защите всего этого, когда защитник выступает сам, не скрывая себя под маской. Геймификация общения может быть чрезвычайно эффективной для преследования конкретных целей, но она разрушает его диалогическую суть, лишая достижения значения в той мере, в какой искажения общества изживают себя.

Крайний случай этой квази-субъектности – установление образа упомянутого выше абсолютизированного субъекта, распределяющего искаженную субъектность между людьми, приписываемыми к его социальной системе. При тоталитаризме такой супер-субъект – идеальная конструкция, при

авторитаризме он отождествляется с правящим человеком. И в том, и в другом случае речь идет о фантазме, учреждаемым в противовес той субъективности и солидарности, которые создаются диалогическим обществом.

Подлинная субъективность обретается в связи с обнаружением субъективности Другого. Это – субъект-субъектные отношения, формальная организация межличностного сосуществования с Другим. Эта диалогичность – основа действительной солидарности, противостоящей иллюзиям единства, свойственным обывательскому приятельству и ложным идеологиям. Диалогическая солидарность связана с установлением интерсубъективности, включающей в том числе определенные обычаи и даже правила общения, которые могут быть приняты как парадигма диалога или даже расширенно трактоваться как диалогическая парадигма, основа диалогизма как диалогической идеологии. Это установление далеко не абсолютно и даже не прочно, – оно постоянно изменяется в конкретных диалогах и быстро деградирует в условиях монологизации общения. Однако именно оно и есть основание подлинных институтов общественной жизни, скрытых за теми институтами, вся реальность которых исчерпывается их манифестациями.

Когда утверждают, что любовь и дружба – основания подлинной общественности, то не лишь потому, что они возникают из эмпатии. Важна также симпатия, взаимное влечение, которое, обогащаясь эмпатией, порождает истинную солидарность. Р. Рорти прав в том, что солидарность нельзя полностью вывести из «человеческой природы» или «ядра самости» людей, – эти концепты могут объяснять как гуманность, так и зверства. Учтем, что один человек под влиянием обстоятельств может быть то склонен к диалогической солидарности, то стать твердым индивидуалистом, то подменить солидарность суррогатом идеологических фантазмов. Симпатия и эмпатия задают любовь и дружбу как основы подлинного общества тогда, когда складываются множество биологических и культурных предпосылок этого события. Способствование формированию и сохранению этих предпосылок – важнейшая задача диалогизма.

Единство различных, а не соперничество одинаковых – основа подлинной общественности, которую, вслед за М. М. Бахтиным, можно назвать полифоническим обществом, или политией, имея в виду общественное устройство, описанное Аристотелем. Солидарность политики возникает только при балансе придания значимости друг другу в обществе, во взаимном альтруизме на основе учреждения общих фундаментальных ценностей. Эти ценности должны быть диалогическими и устанавливаться они должны диалогически, в противном случае единство будет не «духовным родством», а проявлением диктатуры. Монологическое установление диалогических ценностей не менее пагубно, чем диалогическая институционализация монологических регулятивов.

Диалогическое общество – не только утопический образ, но и регулятив совершенствования совместной жизни. Кажется, что он чужд современным обществам как особенность традиционных культур, но это не так. Диалог –

не болтовня и не тесные связи родственников. Диалог – самопроблематизирующее сосуществование с Другим, в котором важно не только единение, но и индивидуализация, которая в современном мире не может происходить без учета опыта западной интеллектуальной традиции. Потому становление диалогического общества актуализирует позитивный потенциал как коллективистских, так и индивидуалистических обществ.

И. П. Салтанович

КРЕАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА КАК ГОСПОДСТВУЮЩАЯ ФОРМА ЭКОНОМИКИ XXI ВЕКА

Организация креативной экономики заслуживает подробного изучения, поскольку мы можем узнать из творческих индустрий о способах организации и управления творчеством. В силу своей зависимости от творчества креативные индустрии в целом обеспечивают уроки для управления новым процессом на предприятиях и в администрациях, показывают прямую или опосредованную связь с традиционной экономической моделью.

Какое значение имеет культура для предпринимательства и имеет ли она его вообще? Часть исследователей утверждают, что предпринимательство «изолирует», исключает культуру, то есть она не имеет значения. При этом предпринимательство – это процесс, в котором бизнесмен всегда выстраивает свою деятельность в той или иной социокультурной среде, работает с целым спектром исключений, отклонений, учитывая культурный контекст. Более того, культура, благоприятствующая бизнесу, скорее всего, приведет к росту таких отклонений. С этой точки зрения культура действительно имеет значение. До сих пор понимание роли, которую культура играет в предпринимательстве, остается ограниченным и фрагментарным, хотя исследователи изучают этот вопрос на протяжении десятилетий. Сложно сводить оба понятия, еще сложнее их измерить. Что касается самой культуры, то ее пространственная и временная изменчивость делает объекты культурных исследований спорными. Соответственно, современные исследователи используют разные показатели для измерения эффективности предпринимательской деятельности, самым весомым для многих выступает уровень инноваций.

Заметим, что число исследований, связывающих культуру с уровнем предпринимательства и инноваций, продолжает расти. Тот факт, что в современной экономической науке культура часто определяется как нечто противоположное предпринимательству, не означает, что культуру невозможно добавить в экономическую науку. Противопоставление позволяет рассматривать культуру как полностью экзогенную для экономической сферы. Американский социолог Л. Харрисон, автор книги «Culture Matters» («Культура имеет значение») пытается ответить на один из самых интригующих вопросов всемирной истории – почему одни государства процветают, в то время как другие остаются экономически неразвитыми? Он считает, что ответ надо искать в культуре, во влиянии культурных различий и ценностей на экономику и, как следствие, на благоденствие наций.